

...Кто инициировал разговор о "российской нации" — понятно: сначала зоре-учёный Валерий Тишков, обаяющий мечтой всё сделать в тёмной России, как в сияющей просвещённой и демо-

Понятно также и то, почему Путину могла показаться привлекательной идея "российской нации", почему он 31 октября 2016 года вдруг так неосторожно и публично включился в эту игру. Тому есть две причины. Во-первых, перед

Александр СЕВАСТЬЯНОВ

Битва за русских

Кремлём действительно стоит задача консолидировать все население России, независимо от этничности и шлейфа межнациональных отношений, далеко не всегда благостных. Некогда Лев Гумилёв не зря предложил классифицировать национальные отношения по критерию комплиментарности или некомплементарности, ведь он неплохо представлял себе историю нашей страны. А эта история такова, что в ней под единым гербом соединились народы, имеющие давние и немалые исторические (в том числе кровавые) счёты друг к другу... Некоторые (например, мусульмане) имеют претензии к евреям. Не говоря уж о том, что у весьма многих народов зломатные счёта припавшим по отношению к русскому народу (как написал один поэт, считающий, что русские в долгу у евреев: "Счета сохранены, но не сведены"). Ведь что ни говори — а история России есть история колонизации, отнюдь не всегда мирной, русскими людьми разнообразных земель на все стороны света от Москвы — читайте об этом классический труд академика М.К. Любавского "Очерки истории русской колонизации".

Это причина объективная, общественная. Именно она сегодня побуждает ретивых педагогов исключить из единого учебника истории России различные реально бывшие эпизоды, могущие, по мнению перестраховщиков от политики, напрочь межнациональные отношения. Например, эпизод татарского ига, который сегодня кое-где считается "хорошим тоном" замалчивать, а то и вовсе отрицать. Так сказать, лицемерие и двоемыслие на марше.

Исходя из этой причины, я полагаю, путинские советники по нацвопросу и предложили ему катнуть пробный шар: а не согласятся ли все российские народы утупить и растворить своё национальное "Я" в некоей искусственной "российской нации", отбросив вместе с национальным своеобразием, с национальной историей — взаимные счёты и претензии. Этим-де и будет достигнуто желаемое единство. Мысль глупая, недалёкая, но как известно, уступающей и за соломинку хватается.

Во-вторых, есть причина и субъективная, личная. Дело в том, что правители России — цари, генсеки, Политбюро, Ельцин, Путин — все всегда хотели быть "отцами нации". Все хотели любыми путями добиться полярности всех народов, все, едва ли не со времён Ивана Грозного, активно вводившего татар в состав правящей верхушки, ладилась быть царями "для всех" — чтобы все были верноподданными для них. И Путин тут не исключение, поскольку такова общая логика власти в

кратией Америке, привил идею "российства" Ельцину, а потом, уже совокупными усилиями трёх экс-министров по делам национальностей, её удалось привить и Путину.

полиэтнической стране. Но дело-то всё в том, что нам, русским, то есть — восьмидесяти с лишним процентам населения, станомому хребту страны, до смерти надоела безотцовщина. У нас есть Родина-мать, но с 1917 года и до сих пор нет отца. А на троне вот уже сто лет сменяют друг друга разнообразные отчуждённые, у коих бегают по двору полторы сотни разных приёмных ребятишек, все одинаково свои — и все одинаково чужие. Хватит с нас такого положения вещей!

В октябре 2014 года на Валдайском форуме Путин произнёс очень ко многому обязывающие его слова: "Самый большой националист в России — это я". Правда, он не пояснил, о какой нации идёт речь: о реальной русской или о выдуманной с благими намерениями "российской"? В тот момент, после триумфального воссоединения с Крымом, все русские услышали то, что им бы и хотелось (т.е. первый вариант), и рейтинг президента взлетел до небес. Но его же реплика про "российскую нацию", сказанная в Астрахани 31 октября прошлого года, многих заставила заподозрить второй вариант. На кону оказалось весьма многое из-за этой опрометчивой путинской фразы. Как бы президенту не разминуться с основным народом его страны, не потерять его доверие...

В данной связи хочу привести характерный отзыв на путинский призыв. Этот отзыв дал депутат Госдумы VII созыва, а по совместительству председатель партии "Родина" Алексей Журавлёв. Он попытался сесть на два стула сразу, соблазнившись максимальной лояльностью сразу двум господам: президенту Путину, с одной стороны, и русскому народу, от имени которого хотел бы выступать, с другой. Ради этого пришлось дать такую интерпретацию путинскому выступлению, какой, думаю, сам Путин никак не ожидал бы. В заметке, озаглавленной "Закон о русской политической нации — не прихоть, а государственная необходимость" (*сайт АПН 8 декабря 2016*) Журавлёв ожидаемо обосновал необходимость закона: "Ведь единство нашего народа, гармоничное развитие всех наций и народностей, населяющих нашу необъятную Родину, — неперемённое условие стабильного и поступательного развития страны". И заверил заинтересованных лиц: "Мы, партия "Родина", всегда были сторонниками формирования единой политической нации и сформулировали соответствующие предложения". Но, Боже правый! О какой единой политической нации ведёт речь Журавлёв? Паче чаяния, это оказалась не "российская", а "русская политическая нация".

Причём Журавлёв и тут предусмотрительно сослался на "слова президента, сказанные на последней сессии клуба "Валдай" в ответ на просьбу сформулировать, что такое национальные интересы России: "То, что хорошо для русского человека, — то и национальные интересы России и вообще для народов Российской Федерации". Считаю это исчерпывающим ответом тем, на кого слово "русские" до сих пор действует, как красная тряпка на быка".

(окончание на стр.4)

(начало на стр.1)

М.Т.: — Так как же русскому писателю писать родной народ?..

А.Б.: — Можно таланливо и даже по-гоголевски гениально живописать лишь грехи и немочи русского человека, наполняя произведение уродами, "мёртвыми душами"; но ведь читатель спросит: а кто же создал великую Российскую империю?.. кто выстроил сонм дивных храмов и явил сонм святых во Христе?.. кто не единожды оружием защищал Царство Русское и спасал христианский мир от сатаниловых басурман?.. кто породил величайшее в мире искусство и науку?.. Чичиковы, Ноздревы и Плюшкины?.. Ладно, писатели-либерасты — им враждебен русский народ, но и русские, и вроде патриоты, даже из народы вышедшие, с такой дьявольской таланливостью... это ещё страшнее... живописуют грехи и немочи русских, что выходит, словно все русские — нравственные уроды. Юроды во Христе — да, но не уроды.

Нет, есть и уроды — недавняя власть четверть века развращала простодушие всюю силой зрелищ, на своей душе испытал; нет, и уродов можно писать, но лишь с великим состраданием Христа ради, как больные; но покида жи и типичный русский характер, я бы сказал, шукшинский, где совесть превыше злата, серебра и чести, выше сладостных пороков мира сего. Для меня в русской литературе верховное мерило — народность, и я оцениваю произведения по-лутински: "Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...", а русский дух — любовь к Всемишней, любовь к ближнему и восхитительная и сострадательная; но упаси Бог смаковать, живописать немочи брата и сестры во Христе. Это от князя тьмы... Смакующие грехи и пороки ближних — враги народа, которых бы сечь нещадно на вечевых площадях... Фёдор Михайлович, создав "неправдоподобно" князя Мышкина — коридового во Христе, Василий Блаженный в дворянском миру, советовал писателям изображать русского человека не таким, какой он есть, а таким, каким он хочет быть. Правдоподобно изображать героев — пустое дело, духовно-нравственной пользы читателю от таких произведений, как от быка молока.

М.Т.: — Некоторые литераторы считают, что язык — это... из области так называемой формы, что-то внешнее по отношению к содержанию, второстепенное по отношению к психологизму.

А.Б.: — Истинно, ярко сказал Владимир Личутин о языке, пусть даже тогда ссылаясь на мои скромные сочинения: "...я нисколько не жалею Анатолия, как жопелю его некоторые писатели: дескать, вряд ли нужен теперь такой язык — архаичный, исторический, и неведомо проснется ли время, когда он понадобится. Такой язык всегда надобен, потому что русский писатель должен писать красиво, как красиво и цветисто говорит настоящий русский мужик. Вот, скажем, читаешь "Слово о полку Игореве", написанное в XII веке, и гадаешь: а зачем нужно было летописцу-монаху писать таким изыскан-

стилом, с такой образной каруселью, такими широко развернутыми, протяжными образами, когда можно было и просто изложить: в таком-то году князь Игорь пошел воевать землю Половецкую, попал в плен, бежал. Вот и весь сюжет, да и нет его, сюжета. Пророческая сила "Слова..." в отступлении от сюжета, когда речь идёт о кровавой русской междоусобице, а красота "Слова..." в слове. Прошло восемьсот лет, а красота слова неумираема. Сам сю-

жет повторялся в исторической литературе сотни раз, и попадали в плен миллионы русских, сотни миллионов умерли, сошли в неги, и уже давно напрочь позабыты полповца, с которыми воевали полки князя Игоря, а красота слова в "Слове о полку Игореве" вечно и всегда современна.

А психологизм — опасная тропа в горных гольцах, можно свертиться в адскую пропасть, куда в прошлые века ухнула изрядная часть падевшей европейской классической литературы, а за ней и часть русской, особо уподобившись — от слова пасты, упав в пропасть. Если оценивать литературу с точки зрения христианской духовности, а иной точки зрения у православного литератора и быть не может, то даже в русской классической литературе, не говоря уж о падевшей европейской, лишь редкие, избранные произведения духом близки христианству, ибо светская литература за малым исключением осмысляет реальность дольней (земной) мудростью, что безумие для мудрости горней (божественной). Увы, дольняя мудрость с её очаянным психологизмом свойственна и классической литературе, суть дворянская, ещё не народной... Самым великим психологом — чёрным ангелом Сатаной и его чернорылые холопы, что кружат над горней тропой, увлекая в адскую пропасть; им край нужен психологизм, чтобы всякому смертному избрать сладкую наживу, яркую мушку и поймать человека на крючок греха и порока; так и писатель, погруженный в психологизм, может, не созная того, исполнить службу бесов-искусителей.

Когда безбожничестве европейцы и американцы запыно читали Фёдора Достоевского, урзев в нём генерального психолога, то жестоко ошибались; но психолог Фёдор Михайлович, но великий православный душеписатель, глубже и вернее всех постигший и запечатлевший русскую душу в её божественных взлётах и дьявольских крушениях, доказав, что если типичная русская душа — поле яростной брани света и тьмы, то типичная европейская душа — сытая тьма.

М.Т.: — Ты создал свою литературу, плоть которой является твоей собственным художественным строй, причудливо и гармонично спланировал из заподневной сибирской языковой стихии и языка русских сказок и сказок, уходящих в многовековую глубь. Рассказывай вкратце (понимаю, что для этой исповеди десятки страниц потребуешь, но всё-таки): какие ты прошёл этапы,

из каких плёсов, шивёр, порогов состоял ход твоей лодки (ангарки, илмики, бата?) по реке твоей?

А.Б.: — Формальный поиск неизбежен для начинающего художника, поиск и обогащает его папирту. Но если иные нынешние "языковые поиски" из модернистов копошатся в молодёжном сленге, в блатной фене, словно в помойной яме, то у моего поколения писателей формаль-

Анатолий БАЙБОРОДИН

Таким, каким он хочет быть...

ный, стилистический поиск имел более высокий полёт. Хотя родился и вырос я в глухом забайкальском селе за триста верст от "чутунки" и города, но в студенческой юности чурался и родной деревенской культуры, и традиционной русской литературы. Я был чадо гуманитарной богемы, и в студенчестве, как и мои сокурсники-филологи, не только с интересом изучал европейскую литературу XIX века, особо возлюбил Чарльза Диккенса, но и взвлек читал модных о ту пору писателей XX века — европейских, североамериканских, латиноамериканских; и, как ни странно покажется, в раннем творчестве пережил формальное влияние Фолкнера, Маркеса, Камю, умудрившись в духе и стиле "потока сознания" написать повесть одним предложением. Чуть позже пережил и влияние Андрея Платонова, что избежать было невозможно, — в русской литературе трудно вообразить иного писателя, в творчестве которого выразились бы столь причудливым, парадоксальным слогом столь причудливые, парадоксальные характеры. Впрочем, проза его не надуманная, не искусственно конструированная, как у нынешних постмодернистов, — это его платоновский мир, его язык, имеющий в русской жизни подобие.

Позже, нажив судьбу, стал открывать для себя русскую классическую литературу, а потом, тоскуя по родному селу, по землямкам, — и народную, прозываемую в те годы "деревенской", которая, на мой взгляд, превзошла классическую, поскольку классическая — это всё же дворянская литература, выражающая, скажем, три процента российского населения, а народная — весь народ русский, по характеру крестьянский. Будучи сельским жителем, возлюбив Шукшина, начитавшись Абрамова, Носова, Белова, Распутина, а позже и Личутина, писал в чисто деревенском ключе, но потом вошёл в голову блажь тронуть своим литературным путём: основываясь на художественных достижениях крестьянской народной литературы, попытался привнести в прозу христианско-психологические мотивы, что так мощно прозвучало в произведениях Достоевского. Появились герои с крайне противоречивыми и даже парадоксальными характерами, души которых — поле брани, где в яростной схватке сплелось божественное и демоническое.

В стилистическом поиске серьёзный писатель осторожен. Когда читатель, забывая о содержании пове-

ствования, восхищается стилистикой — "...глянь, как он, подлещ, фразу-то крутит..." — значит, повествование ещё сырое, не пропечённое, надо ещё корпеть над словом. Высший образец художественной формы, когда даже причудливая, предельно насыщенная сложным образом форма при восприятии перестаёт ощущаться, не заслоняет, но усиливает для читателя, зрителя духовные, нравственные переживания героев, идеи, запечатлённые художником.

Такова избранная проза поманного Владимира Личутина, у которого предельно сложная стилистика не довлеет над содержанием, но и быть иной, попроче, не может, иначе не выразить сложнейшие религиозно-мистические, психологические состояния героев.

Почитал я беллетристику (полужурналистику) неких молодых модернистов, даже якобы русских, и, "базаря" их похабным жаргоном, словно помоев опился. И дело даже не в умозрительном, формальном, эпатажном поиске своего "неповторимого" голоса, встроенного в блатную феню и молодёжный сленг, дело в хладнодушном, в бессердечии, сострадание осмеивается, грех и порок смакуются с вызовом обществом, якобы лицемерному и фарисействующему. Это от беса...

В основе моих избранных произведений — русская народная культура, но не три припота, три прихлопа, а вселенская, тысячелетняя, которая, как и природа, сверхгениальна, неисчерпаема, непостижима, и художник или писатель, хлебнувший из неё лишь пригоршню, — уже большой талант. Пейзаж, написанный маслом, никогда не будет гениальнее самой природы, с которой написан; так и с народной культурой. Фёдор Достоевский говорил: всемирный писатель — суть узкоаналитический, волюно в веках, с глубинным и обширным, академическим знанием своей народной культуры народно запечатлевший нацию.

М.Т.: — Почему и за что ты выделяешь самые дорогие и любимые свои произведения?

А.Б.: — Любимые, особо чтимые произведения, где промыслом Божиим запечатлелась искренная, восхитительная и сострадательная любовь к ближним, униженным и оскорблённым, — а это русские крестьяне, мои родичи, мои земляки, где поэтически запечатлелся крестьянский мир в характерах, в речи, в обычаях и обрядах, в любовном житие-бытие с природой — дивным Творением Божиим.

М.Т.: — Русская земля от Океана до Океана как озерным узорный плат, постичь разнообразие и единство которому не под силу никакому смертному. Твой подопечный и питающий силами материк в этом платте — это всё Забайкалье?

А.Б.: — Мой материк — русская крестьянская цивилизация, ведавшая матерью-сырой землёй в язычестве, а с крещением и облачением во Христа обретшая спасительное небо.

(начало на стр.1)

Но ведь это для любого государства — копейки! Хочу добавить, что в Ирландии сравнительно недавно (в ноябре 1991 года) открылся Литературный музей Дублина по адресу Парнелл-сквер, 18. Музей расположен в здании XVIII века, где размещены экспозиция, библиотека, галерея и администрация. В пристройке к зданию музея находится кафе и книжный магазин на первом этаже, а на верхних этажах — выставочные и лекционные залы. В соседнем здании (дом № 19) расположен Центр писателей Ирландии, где размещаются Союз писателей Ирландии, Общество ирландских драматургов, Irish Children's Book Trust и Ассоциация ирландских переводчиков. Подвал обоих зданий занимает ресторан под названием "Первая глава". Скажите, можно ли такой грандиозный комплекс содержать без государственной поддержки? А у нас Роскоммунство и другие госструктуры мечтают отобрать особняк на Комсомольском проспекте! Так при чём тут капитализм? Характерно, что ирландский политик Дэвид Норрис, который баллотировался в президенты Ирландии, начал свою предвыборную кампанию с посещения литературного музея Дублина. Можно ли такое представить в лице лидера "Единой России" Дмитрия Медведева?

В любимой нашими рыночниками Германии действует аж два Союза русскоязычных писателей — Международный Союз писателей "Новый современник" и Союз русских писателей в Германии, которые имеют два периодических издания — "Век XXI" и "Вече" — прямо русофильские названия, хоть Владислав Ходасевич назвал Берлин "Мачехой российских городов". Но больше всего я завидую исландским писателям. "Исландия" с национального языка переводится как "страна львов". Я бы добавил... и поэтов. У исландцев есть красивая традиция, объединяющая литературные и праздничные приращения: дарить друг другу на Рождество книги и проводить следующую ночь за чтением. Этот обычай настолько укоренился в местной культуре, что стал причиной появления Jolabokaflod или "Рождественского книжного наводнения", когда продажи книг в период с сентября по декабрь достигают пика. В преддверии нового года большинство исландских домохозяйств получают бесплатный ежегодный каталог книжных новинок Bokadindindi. И перед тем, как сделать свой выбор из многих сотен наименований, скандинавским книголюбам приходится немало покорпеть. Как вы думаете, может без государственной поддержки такой каталог прийти в каждый дом? Жители небольшого островного государства с населением в 330 тысяч являющиеся чрезвычайно литературной нацией. В стране больше писателей, больше изданных и прочитанных книг на человека, чем где-либо в мире. Каждый десятый исландец имеет в своем активе собственную опубликованную книгу! Сегодня численность страны почти дошла до отметки в 330 тысяч жителей, а профессорских писателей почти 300 — то есть ещё немного и на каждую тысячу островного населения придётся по одному писателю. Если бы Россия с великой литературой пошла по этому пути, то у нас должно было творить 145 000 писателей! Только шесть городов мира получили титул Литературного города ЮНЕС-

КО, и Рейкьявик стал первым неанглоязычным городом среди них. Международный литературный фестиваль Рейкьявика — проходит аж два раза в год. Литературные туры можно заказать на мобильный телефон, и даже скамейки в городских парках, синхронизированные с мобильным приложением, будут читать вам отрывки из исландских авторов. На какие деньги это делается? — на государственные и

Александр БОБРОВ

на частные. Последнее — понятно: когда средняя зарплата составляет 2432 доллара в месяц. Конечно, это не в недалёкой Норвегии — 3680 долларов в месяц, но находится на одном уровне с Испанией, где тоже любят литературу. Председатель Союза писателей Исландии — энергичная Кристина Хельгой Гуннарсдоттир выступала даже перед московскими школьниками, подчеркнув, что исландская литература — одна из немногих, которая практически в первоизданном виде сохранила древний язык викингов и дохристианские мифы. О, покажи там "Викинг" Крачука и Эрнста — исландцы вообще не поймут, о чём и зачем эта крошечка и грязьца на экране и в сознании зрителей!

КТО ОСИЛИТ ПРОБЛЕМЫ?

Накануне Нового года в "Российском писателе" — на сайте, который представляет панораму российской литературы, но не весь спектр мнений, конечно, была опубликована беседа Николая Дорошенко с председателем СП Валерием Ганичевым. Честно говоря, думал, что на это интервью Ганичева после статей в "ЛГ" в первый же вечер посыплются отклики с предложениями и соображениями, а оно осталось, по сути, — гласом вопиющего в пустыне. Всё началось с плоских соображений о том, что кто-то продается Юрию Полякову, с упреков Людмиле Шипахиной. Ну, не все же "повелись" и только выгоды ищут — многие подписанты искренне озабочены судьбой творческой организации. Творческой!

Пришлось написать пространный отклик, связать дискуссию. Замечу, что Николай Дорошенко с Валерием Ганичевым неудачный оборот применили: "Меня не заботит сохранение Союза любой ценой. Я просто знаю...". Мы тоже многое узнали за последние четверть века и поняли, что многое надо сохранять ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ! Именно отсюда — надежды на Полякова, на Шаргунова, на любого, кто вхож во властные структуры, кто имеет связи, кто может достучаться, кто известен в СМИ и обладает организационной энергией. Например, перед последним съездом некоторые коллеги начали спрашивать: "А ты бы смог? А ты бы согласился?". Отвечал твёрдо: "Нет — года и силы уже не те!".

А вот ещё лет 15 назад, когда работал на ТВ, когда был полон сил, — взялся бы. Потому что понимал, что надо делать: стучаться во все государственные структуры, бесперывно бить в набат, идти на компромиссы и заниматься разумной демагогией, как причула нас ещё партия: я во всех редакциях был секретарём парторганизации. Некто Н.Образцов из Барнаула впадает в раж: "Такой веры и ярости давно нет у руководителей Союза пи-

сателей и в столице, и на периферии". Точно, порой приезжаешь — борьба на пустом месте или болото обыденных мероприятий. А московские писатели? — ведь это они на своих многотрудных сходах чуть ли не единодушно поддержали все придумки Владимирова Бояринова по приватизации Московской городской организации СП РФ! И, конечно, Образцов не знает, что и в этих условиях многие — ведут

Что год грядущий нам готовит?

огромную работу! И в столице не ярость нужна (она у коллег из ПЕН-клуба, например, в изобилии — и что?), а мудрая, кропотливая, неблагодарная РАБОТА на износ!

Последние примеры бездействия Союза:

У Теардовского. Среди коллег в Загорье

принята Доктрина информационной безопасности РФ со словами о противостоянии чудному идеологическому влиянию на молодёжь — где наша, писательская, оперативная, содержательная программа, предложения наверх, встречи и мероприятия с госструктурами? Год литературы упущен — была похожая картина...

Это не упрек персонально Ганичеву (и всем перечисленным им в положительном контексте) или двум Ивановым: это замечательные писатели, которые бескорыстно служат русской идее и отечественной литературе. Но чего-то не хватает, не складывается, не летит! Последний вопиющий пример: Общество русской словесности, которое возглавил Патриарх Кирилл. Да, мы провели расширенный секретариат, Ганичев и другие писатели высказали благожелания, но почему СП не стал опорой ОРС, правой рукой с продуманной и согласованной программой?

Ведь сам Бог велел, коль Церковь нас поддерживает!

Или — наконец-то повернулись в госструктурах к молодым: на "Тавриде" — огромная и случайная во многом смена (деньги у Росмолодёжи есть), в Нижнем — "Русские рифмы", в Минске — фестиваль молодых славянских поэтов (у Роспечати денег ещё больше!), на котором сидят упитанные Григорьев и Швыдкий. Где представители нашего объединённого

Союза писателей Белоруссии и России? Отдвинуты, дескать? — а я вот умел так себя вести с пером и телекамерой, что НЕ отодвинешь или получишь в СМИ по полной! Просто не знаю, что сегодня сможет ежедневно биться, доказывать, обивать пороги властных и денежных структур.

Для творческого человека, тем более высокомящего о себе, — подобное обуза и униже-

ние, но без этого — понятно же! — ничего не добиться. Да, собственно говоря, и здание так спасали!

Особенно поражают собраться из национальных республик: выделены огромные деньги на

принята Доктрина информационной безопасности РФ со словами о противостоянии чудному идеологическому влиянию на молодёжь — где наша, писательская, оперативная, содержательная программа, предложения наверх, встречи и мероприятия с госструктурами? Год литературы упущен — была похожая картина... Почему переводчики, координаторы не связаны с нашим Союзом? Когда им надо приехать в Москву, покрасоваться на трибунах — они тут как тут, а когда требуется сказать резкое слово, провозвести линию Союза писателей России, а не ОГЭ-пирогов — политиканствуют и трусят. Вот в чём корень всех бед!

А тот же В.Князев из Иваново пишет в ЛГ: опора Союза на местах. Оболпрись, Князев, на таких местных князьков — окончательно рухнет.

НЕ ОТДАДИМ ФАТЬЯНОВА! Остаётся ли всё та же не убиваемая надежда? Да! Вот один её предновогодний лучик: президент России Владимир Путин заранее подписал указ о праздновании 100-летия выдающегося поэта — создателя истинно народных песен Алексея Фатьянова, которое будет отмечаться в 2019 году. Как, какими достижениями и творениями встретим? — зависит от всех нас, любящих Песню и служащих ей, немоща на губительную политику ТВ.

А тут не обольщайся и на чиновников особо не наденось, ведь не зря сказал министр куль-

туры Медвинский, что на Западе нет исполнителей, равных Кобзону.

Но хорошо, что Иосиф Давыдович, когда может, поёт на празднике в Вязниках. Там побывали многие поэты, мы с организаторами расширяем географию, приглашаем новых гостей и все — в восторге. Но теперь надо к 100-летию разработать особый план: Алексей Иванович родился в Мытищенском районе, жил в Москве, служил в Орле (там тоже проходил когда-то праздник!), творил в Питере, воевал на Украине и в Венгрии, был ранен под Сечехеферваром, куда ворвался на первом танке. А ведь на вокзале в Запорожье пели Фатьянова, надо бы и в Венгрии провести юбилейный праздник. Всё — по плечу, по делу, если всерьёз заняться.

В Союзе писателей России была песенная комиссия, от координации работы которой меня отодвигали недоброжелательницы, был утверждён оргкомитет Фатьяновского праздника, который возглавлял Лев Ошанин, а потом и я, снявший для ТВ несколько программ о песельнике с берегов Клязьмы и Москва-реки.

Комитет участвовал в подготовке торжеств, вечеров, в присвоении премии "Соловьи, соловьи...". Потом внучка Фатьянова — Анна Китина, которая после бабушки Галины Ивановны Фатьяновой продолжает тянуть праздник и все дела по пропаганде великого наследия, стала спрашивать почему-то про постановление секретариата СП РФ (мол, кто и кого утверждал?), потом успокоилась и снова прониклась безоговорочной симпатией — мне первое присудили премию "Золотое наследие Фатьяновского праздника". Спасибо, хоть звучит как-то монументально...

Но всё-таки чёткие планы, формы участия и ответственности от Союза писателей — сегодня надо определить! Дело не в том, что я, например, хочу чем-то руководить на песенном фронте (мне хватает моих студентов в двух вузах, учеников-поэтов и внуков!), но без этого просто нет плодотворной и постоянной работы. Да, существует Фатьяновский фонд, Анна Китина объединила энтузиастов творчества А.И. Фатьянова, но писатели не должны оставаться в стороне, чтобы не отдалась и поэта Фатьянова шоу-бизнесу (а его акулы под указание президента ринутся в юбилейную сферу). Кстати, порой звезданутые участники праздника "На солнечной поляночке" в Вязниках объясняют: "Музыка Алексея Фатьянова" или ещё проще — фатьяновских песен вовсе не поют, считая себя главными на подмостках. А там должен царить истинно народный Поэт!

Что делать в преддверии съезда? — трудно дать внятные, а тем более пофамильные рекомендации. Надо хотя бы выслушать и обобщить конкретные и реальные предложения — тут пафосные письма в ЛГ вроде призывов Московской городской организации, куда и заходить теперь не хочется, — пустое сотрясение воздуха и демагогия.

Лично я из последних сил бьюсь на идейном и учебном фронте, но горячо желаю сохранить наш Союз, от которого, кстати, получаю всегда внимание и понимание, как и ТыСЯЧИ писателей. Где они, их страстное слово?

Наверное, и впрямь каждый народ (включая пишущую братию) получает ту власть, которую заслуживает...